А.М.Зеленокоренный

"ЗАСАПОЖНИКИ" В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Введение

"Тѝи бо бес щитовь съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу". /I,27/

Эту красивую и полную героического пафоса фразу автор "Слова о полку Игореве" вложил в уста великого Киевского князя Святослава Всеволодовича, произносящего знаменитое Златое слово. Таким представлялось Святославу войско его брата Ярослава Черниговского. И перед читателем сразу же встает образ мужественных воинов, героических защитников своего очага, своей земли от иноземцев.

Однако, большинство переводчиков "Слова" невольно обедняет этот образ, заменяя отсутствующими в подлиннике "засапожными ножами" такое распространенное в тот период и довольно эффективное средство вооруженной борьбы как "засапожники". Возникает очевидное несоответствие, несоразмерность между боевыми заслугами "воев" /"полки побеждают"/ и их оружием /"засапожные ножи"/, что низводит этих людей до уровня чуть ли не опереточных персонажей. И действительно, в реальной обстановке воины, вооруженные только ножами, вряд ли могли побеждать неприятельское войско в эпоху преобладания в нем конницы. Кроме того, как представляется, автор "Слова" и сам вполне мог употребить термин "засапожный нож", а не "засапожники", если бы хотел сказать только о ноже за голенищем.

Настоящее исследование ставит целью по-новому взглянуть на этот вопрос, кратко рассмотреть историю бытования "засапожных ножей" и попытаться найти истинное значение слова "засапожники", которое несет в себе загадку хотя бы уже потому, что в других письменных памятниках не встречается.

Редкие слова

За два века активного изучения "Слова о полку Игореве" исследователям удалось разобраться в большинстве слов, являющихся гапаксами, т.е. встречающимися только в этом древнерусском памятнике. По свидетельству Е.В.Барсова, ссылающегося на "Дневник" К.Ф.Калайдовича, в 20-х годах XIX в. Р.Ф.Тимковскому "были непонятны только семь такихъ словъ: I/ зегзица, 2/ ортма, 3/ папорози, 4/ стрикусы, 5/ тлековины, 6/ харалужный и 7/ шереширы" /34,38/. К сожалению, его исследование утрачено.

В.Л.Виноградова, составительница обстоятельного "Словаря-справочника", разделяет гапаксы "Слова о полку Игореве" на три категории: редкие ориентализмы /"ольберы", "шельбиры" и др./, слова, семантика которых предполагает их малую употребительность /"встроковати"/, а также слова и обороты, которые являлись редкими диалектализмами /"на борони", "бусов", "въорожити", "зарание", "кнѣс" и др./. /3,4/. Среди этих гапаксов В.Л.Виноградова не отметила слово "засапожники", считая его, очевидно, разгаданным, хотя, как представляется, оно вполне может быть включено в указанный перечень как слово, смысловое значение которого претерпело с течением времени кардинальные изменения и в силу этого ставшее неузнаваемым.

Появление "засапожных ножей"

Вокруг "засапожников" особых споров не возникало. Они оставались почему-то в тени. Возможно, что объяснение этому кроется в кажущейся обыденности и легкой узнаваемости слова. Возможно также, что первые исследователи отнеслись ко всей фразе как к поэтической гиперболе, а к "засапожникам" - как к ординарному слову и особенного внимания ему не уделили, тем более, что у них и так было от чего голове идти кругом. Столько всюду было неясностей!

Как бы то ни было, но в конце XУIII - начале XIX вв., когда, по словам В.Ф.Ржиги, "среда, породившая "Слово о полку Игореве"

мыслилась весьма туманно" /5,157/, первое, что пришло вголову переводчикам, так это образ ножей или кинжалов, носимых за голенищем сапога, тем более,что на плацу маршировало русское войско, обутое в сапоги. С этого, по всей видимости, все и началось.

Однако первым переводчикам нож казался не очень романтическим предметом и они остановились на кинжале, не учитывая, что кинжал пришел к нам только в XIII в. от татаро-монголов/36,286/, а в домонгольский период он не был на Руси характерным оружием. /15,371

Неизвестный переводчик конца XVIII .в. показал пример:

"Они бо без щитов, с кинжалами, одним криком полки побеждают" /9,103/.

Похожий перевод вошел и в первое издание "Слова", осуществленное в 1800 г. А.И.Мусиным-Пушкиным /1,27/. Но с "кинжалом" согласились не все. Вскоре было введено в оборот понятие "засапожный нож", примеров употребления которого до тех пор в русском языке не обнаруживается. Это новообразование употребил и российский поэт и драматург В.В.Капнист для своего перевода, выполненного в 1808-1813 гг.:

"Они бо без щитов, с ножами засапожными криком побеждают войска, обновляя славу предков своих" /9,113/.

Трудно теперь сказать насколько первые переводчики были твердо убеждены в правильности сделанного ими выбора. В отличие от нынешних переводчиков, они не сделали описаний кинжалов и "засапожных ножей". Возможно, что они относились к "засапожникам" только как к символу мужества и доблести древних воинов, а не как к реальному вооружению.

Известно, что В.А.Жуковский, осуществивший перевод "Слова" в 1817-1818 гг. и остановившийся на "кинжалах засапожных", проявлял определенные колебания. Он, если судить по черновикам, испробовал ряд других вариантов. И все равно его мысль, если судить опять же по этим черновикам, дальше оружия, носимого в сапоге, не пошла /7,372/. Колебался и известный русский писатель адмирал

А.С.Шишков, сделавший перевод "Слова" в 1804 г. Познакомившись с первым изданием "Слова", он спрашивал: "Точно ли засапожникъ означитъ кинжалъ, сего мне нигдѣ видѣть не случалось" /35,300/. А.С. Пушкин, просматривая рукопись перевода "Слова", выполненного В.А. Жуковским, сделал различные пометки в местах, с которыми был не согласен. Среди отмеченных таким образом слов оказалось и слово "кинжал". /См.Слово о полку Игореве, Гос. изд. художественной литературы, М., 1954., С.21/.

Несмотря на все эти колебания и сомнения переводчиков, "засапожный нож" остался.

"Засапожный нож" и В.И.Даль

Создается впечатление, что в увековечивании и в узаконивании "засапожных ножей" решающую роль сыграл В.И.Даль, включивший этот термин в свой словарь:

> "Засапожникъ - ножъ, носимый, для сподручности, за правымъ голенищемъ, а черенъ скрытъ напущенными шароварами; Встарь это былъ и ратный ножъ; нынѣ охотничий и дорожный" /16,633/.

Поскольку авторитет В.И.Даля и его словаря был и остается очень высоким и непререкаемым, то все последующие исследователи и переводчики, вплоть до наших дней, уже безо всякого сомнения брали и берут толкование "засапожника" "у самого Даля".

Как же нож, носимый за голенищем, попал к В.И.Далю, если упоминаний о нем нигде не было, кроме первых переводов "Слова о полку Игореве"? С очень большой долей вероятности можно предположить, что В.И.Даль нашел его именно в этих первых переводах. В пользу такого предположения можно привести по меньшей мере два аргумента.

Во-первых, все упоминания "засапожных ножей" в других словарях носят вторичный характер, поскольку появились там после выхода в свет словаря В.И.Даля.

Во-вторых, В.И.Даль, по его собственному признанию, помещал в словарь не только "слышанные слова", но также и "читанные", т.е.

взятые из письменных источников, а некоторые толкования слов просто "сочинял". Он писал: "Я не могу провести такой строгой черты между словами читанными или слышенными когда и гдѣ нибудь, и между сложившимися подъ перомъ при истолковании другихъ словъ" /16,XXIII/. Что же касается описания ножа, то следует иметь ввиду, что В.И.Даль, как он сам заявлял, не отличал "ходячiе реченiя отъ прочихъ, сочиненныхъ примеровъ" /16,XXIII/.

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что "засапожные ножи" были "читаниными", т.е. появились у В.И.Даля из первых переводов "Слова о полку Игореве", а указание на то, что "ныне" засапожник является охотничьим и дорожным ножом, просто "сочинено" составителем словаря. Отсюда и отсутствие обычных для других слов примеров употребления в быту, и некоторая избыточность в описании: "носимый за правымъ /!/ голенищемъ" якобы для "сподручности". Кроме того, черенок ножа должен быть "скрытъ напущенными шароварами". Возможно, что "напущенные шаровары" были в моде в первой половине XIX в., но что касается одежды сельского населения Древней Руси, а именно из его среды главным образом формировались "вои", то, как свидетельствуют этнографы, "на миниатюрах мы видим крестьян, одетых в светлые узкие штаны... Судя по этнографическим материалам, крестьянские штаны... не были широкими" /48,117/.

Итак, с появлением в словаре В.И.Даля "ножа, носимого за голенищем", перевод "засапожников" как "засапожных ножей" стал как бы общепризнанным, эталонным. Отдельные исключения, конечно, имеются. Так, например, М.Д.Деларю перевел это место так:

"Те без щитов и оружия"
криком полки побеждают" /7,143/.

Приобретя права гражданства, "засапожный нож" дожил до наших дней. Правда, в довоенные годы "засапожник" в большинстве переводов оставался без изменений /напр., С.К.Шамбинаго, В.Ф.Ржига, С.В.Шервинский, Г.П.Шторм/. И только у И.А.Новикова черниговские "вои" пользовались "ножами за голенищами", которым он остался верен до конца своих дней. После выхода в 1950 г. "Слова о полку Игореве" в серии

"Литературные памятники" под редакцией В.П.Адриановой-Перетц "засапожный нож" стал стандартом. Сейчас практически нельзя встретить ни одного издания "Слова", в котором современные переводчики осмелились бы отойти от данной нормы. Даже длительное время придерживавшиеся иной трактовки С.В.Шервинский и отчасти Г.П.Шторм перешли на ставшие модными "засапожные ножи". Не прошло незамеченным усиление обычного варианта, сделанное Д.С.Лихачевым впервые в объяснительном переводе, помещенном в указанном выше издании 1950 г., а затем повторенное ■ во всех остальных многочисленных изданиях: черниговские вои были уже не просто "с засапожными ножами", а с "одними засапожными ножами". Так перевел Л.А.Дмитриев для юбилейной книжки издательства "Книга" в 1988 г., а И.И.Шкляревский еще раньше начал употреблять фразу "с одними ножами засапожными".

Описания "засапожных ножей"

Вслед за В.И.Далем описания "засапожных ножей" стали делать многие исследователи и переводчики "Слова о полку Игореве", причем с течением времени эти описания становились все более подробными и детализированными. Уже у Е.В.Барсова описание более развернутое, чем у В.И.Даля:

"Засапожникы /INSTRUMENT PLUR. MASC. / от засапожникъ, ножъ съ кривымъ клинкомъ, носимый за правымъ голенищемъ, черенъ коего скрытъ напущенными шароварами; ныне называется клинкомъ. Это - ножъ охотничiй и дорожный, а въ старину былъ и ножъ ратный. Ножи подразделялись на поясные, подсайдачные и засапожные /Даль/.

Что на дружинныхъ бояхъ орудовали ножами, это видно изъ летописныхъ указанiй: "козляне же ножи резахуся съ татарами" /Ип.,176/" /35,300/.

Сейчас за образец берется описание, сделанное Д.С.Лихачевым для издания 1950 г.:

"Засапожники" - ножи, носившиеся за голенищем сапога. Нож как орудие боя употреблялся только в самых ожесточенных

схватках, когда противники сходились настолько близко, что нельзя было размахнуться мечом и когда самые щиты могли только мешать и связывать движения сражающихся. Для того, чтобы дать понять о неслыханном упорстве жителей Козельска в обороне его от татар, летописец пишет: "козляне же ножи резахуся с ними" /Ипатьевская летопись под I237 г./" /7,435/.

Л.А.Дмитриев дает примерно такое же описание, но приводит другой пример из летописи: "И вынзе нож, и зареза Редедю" /I2, 209/. У В.И.Стеллецкого "Засапожники - боевые ножи с кривым клинком, который воины носили за голенищами" /I0,26I/. Более детальное описание сделал Андрей Иванов: "Засапожники - носившиеся за голенищем сапога ножи. Такие ножи имели изогнутые"шляки" - клинки, иногда с долами и деревянные или роговые "черени" /рукоятки/ с набалдашниками. Чтобы не порезать ногу в сапоге, засапожники вкладывались в ножны. До засапожников дело доходило только в самой тесной и жаркой схватке" /23, I94-I95/. По этому последнему описанию можно предположить, что здесь описан кинжал ХУII в., который экспонировался в Государственной оружейной палате с подписью "засапожный нож". Об этом кинжале, представляющим собой предмет роскоши, подробно рассказали М.М.Денисова, М.Э.Портнов и Е.Н.Денисов /40,36-37/.

При описаниях "засапожных ножей" многое берется у П. фон Винклера, хотя ссылок на его работы не делается. К тому же чувствуется, что и сам П. фон Винклер испытал влияние В.И.Даля, отмечая, например, что "засапожный нож" "втыкался за голенище правого сапога" /36,284-285/.

В заключение приходится констатировать, что никто из исследователей не объяснил почему "засапожники" стали "засапожными ножами" Это загадочное превращение никем не рассмотрено ни в лингвистическом, ни в историческом аспектах, оно подается как самоочевидный факт. Есть, правда, одно объяснение, но ему трудно дать оценку, так как здесь используется принцип анаграммы:

"Что такое з а с а п о ж н и к и ? Ответ содержится в самом слове. Заменим "п" на графически близкую букву "Л" и прочтем выделенное наоборот:

засаПОЖНИК - КИНЖОЛ

Засапожник - это кинжал. Разумеется, можно говорить, что совпадение случайное. Можно говорить, что случайным является и другое совпадение:

засапОЖНИКИ - НОЖИКИ" /45,504/.

Осталось без внимания уже высказывавшееся в печати писателем Ю.Н.Сбитневым возражение против "засапожных ножей" /54/. Правда, по какой-то причине при последней публикации статьи Ю.Н.Сбитнева в юбилейном сборнике в 1986 г. одна ее часть, посвященная как раз "засапожникам", была опущена /13,494-495/.

Были ли "засапожные ножи"?

Ответ на этот вопрос может быть получен только при тщательном анализе составных частей понятия "засапожный нож".

О сапогах. Слово "сапог", означающее вид обуви, встречается в текстах XI-XII вв., начиная с Остромирова Евангелия 1056-1057 гг. /"сапогъ"/. В те времена это был довольно изысканный вид обуви, который мог быть только у наиболее зажиточной части населения /16, 389/. Не случайно, наверное, как отметил летописец, удивился Добрыня, сказавший о болгарах: "Суть вси въ сапозехъ; симь дани намь не давати, но поидем искати лапотникъ" /27,41/.

Сторонники "засапожного ножа" исходят из того, что этнически смешанное черниговское войско было обуто в сапоги. Тем более, что на миниатюрах некоторых лицевых письменных памятников люди изображены не только в онучах, но и в обуви, напоминающей сапоги. Это дало основание Д.Н.Дубенскому утверждать: "ношенiе сапоговъ было въ обычаѣ у дружинной Руси" /35,300/. Следует, конечно, учитывать, что сами миниатюры выполнены в более позднее время, а изображения на многих из них довольно условные и мелкие.

Однако, маловероятно, чтобы в сапогах ходило поголовно всё полукочевое и земледельческое население Черниговщины. Многие были, очевидно, и "в утлых ботех" /27,80/. Через более чем полвека после Игорева похода монах Вильгельм Рубрук был в Евразийских степях, уже после завоевания их монголами /1255 г./ и отмечал, что население носит сандалии и башмаки, которые женщины шьют из кожи /52,127/. Подобная обувь была широко известна на Украине и в более позднее время и называлась "постолы" /35, 246/ или "морщуны" /43,268/. Возможно, этот или похожий вид обуви иноземный путешественник назвал "сандалиями". Во всяком случае, преобладающим видом обуви на Руси в XII веке археологи называют не сапоги, а именно постолы /43,268/.

Следовательно, сапоги в XII в. были пока еще довольно редким видом обуви. В былинах богатыри иногда изображаются в сапогах /в "сафьяновых сапожках"/, но "засапожных ножей" у них не встречается.

<u>О ноже</u>. Все исследователи сходятся на том, что в древности нож был практически у каждого мужчины, в том числе и особенно у воина. Нож являлся универсальным средством, применявшимся и в быту и, при необходимости, в рукопашной схватке или в поединке. Археологи находят небольшие ножики почти в каждом половецком погребении /47, 122/. И все же значение ножа как военного средства не следует переоценивать, хотя встречаются публикации, в которых нож представляется как "род оружия" /19,293/ и даже как "типичное оружие русского ближнего боя" /51,128/. В реальной битве ножу принадлежало очень скромное место. Специалисты считают, что "специально боевые ножи... изготовлялись, по-видимому, довольно редко /возможно, к боевым следует отнести некоторые ножи длиной свыше 20 см./. Можно согласиться с А.В.Арциховским, который пишет: "Ножи нельзя причислить к оружию, хотя бы и массовому... Всё известное о тактике сражения XI-XIII вв. тоже не свидетельствует о регулярном боевом использовании ножей" /15,370-371/. Именно поэтому, очевидно, ножи довольно редко упоминаются в памятниках древнерусской письменности и в фольклоре, несмотря на массу свидетельств о том, что "сеча была зла".

13-1529

По мнению А.Н.Кирпичникова, использование в бою ножей "не подтверждается и упоминанием в "Слове о полку Игореве" засапожников" /15,371/.

На этом фоне не очень убедительно выглядит утверждение Г.Ф. Одинцова о том, что "Засапожник"- это"боевой нож", "типичное оружие русского ближнего боя" и что "несмотря на однократное употребление термина з а с а п о ж н и к ... он прямо свидетельствовал о явлении, очень характерном для военного быта на Руси" /51,128/. Здесь явная натяжка: как может "однократное употребление" "прямо свидетельствовать об очень характерном явлении?". Другое дело, когда подобную мысль высказывает поэт. В этом случае образ "засапожных ножей", преподнесенный воображением поэта в качестве самого грозного оружия, какое только можно себе представить, воспринимается как гипербола:

"Ихъ засапожный ножъ страшнѣй
Врагу былъ кованныхъ мечей" /4,20/.

В письменных древнерусских источниках нож часто встречается в иносказательных выражениях, типа бытующего и сейчас "ножа в спину", т.е. коварного, предательского удара или поступка: "Ввергль еси ножь в ны" /27,95; 27,99/, при сообщениях об убийствах: "повар же Глебовъ, именемь Торчинъ, вынзе ножь и зареза Глеба" /27,60/, "И яко врагъ христiанскiй извлече ножь свои и простерь руку, ять святаго за главу и отреза ю"/57,53/; об увечьях безоружных: "один же из них удари в ребра его ножем и отреза честное сердце его" /41,242/, "И приступи торчинъ, именем Беренди, хотя вывертети око ножем" /27, 96/; о поединках /единоборство Мстислава и Редеди/; о членовредительстве: "И изъем нож, удари себе в око десное" /41,213/; и даже о самоубийстве: "удари себе ножем и прободся упаде" /41,345/.

В ряде случаев, как отмечает В.В.Кусков, нож выступает как символ княжеских распрей, усобиц /например, в "Повести об ослеплении Василька Требовльского"/ /47,60/.

Употребляемые в былинах "булатен нож", "чингалище булатное", "острый ножик булатный" представляются скорее не ножами, а кинжалами.

Некоторые комментарии можно сделать и к примерам, на которые ссылаются сторонники "засапожных ножей".

В Козельске в 1237 г. татаро-монгольские отряды, взяв штурмом город, начали физически истреблять поголовно всех жителей, которые /"козляне"/ вместе с воинами защищали свои жизни. Справедливо замечание А.Н.Кирпичникова о том, что "в таком бою шла в ход вся домашняя утварь" /15,371/, в том числе и ножи.

Что касается "храброго Мстислава", который в 1022 г. "зареза Редедю предъ пълкы касожскыми", то здесь, во-первых, был поединок двух человек, а не борьба относительно больших масс людей /"полков"/ в которой применялись "засапожники", а, во-вторых, "нож" иногда переводится как "меч" /20,417/, а летописное выражение "вынзе нож" - как "вынул меч". К примеру, в Остромировом Евангелии, созданном в Новгороде через три десятка лет после Мстиславова поединка, "нож" упомянут почти в аналогичном контексте:

"И извлѣче ножь свои и ударь раба архиереова,
и уреза ему ухо" /Мт, 26,51/.

С тех пор этот текст сохраняется во всех изданиях Библии, а переводится на современный язык в синодальном издании как "меч":

"Извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова,
отсек ему ухо" /Мт, 26,51/.

Ни у кого это не вызывает возражений, хотя можно и заметить, что очевидно речь все же шла о ноже, а не о мече, поскольку видно явное несоответствие между применяемым оружием и результатом.

А.В.Арциховский допускал, что "засапожники, упоминаемые в "Слове о полку Игореве", были, вероятно, кинжалами, равно как и нож, которым Мстислав зарезал Редедю. Это, несомненно, оружие рукопашного боя, но облик этих кинжалов неизвестен" /33,129/. А по свидетельству А.Н.Кирпичникова, "само название "засапожники" указывает всего лишь на ношение ножей за голенищами сапог в конном передвижении /что археологически еще не подтверждено/" /15,371/.

Таким образом, виднейшие археологи и специалисты по древнерусскому оружию, хотя и не оспаривают традиционный перевод "засапожников" как "засапожных ножей", все же едины в том, что археологических и иных подтверждений самого факта существования "засапожных ножей" не обнаружено, равно как и факта массового использования их в бою.

Как носились ножи? Все имеющиеся источники говорят о том, что нож носился у пояса, а не за голенищем. Это подтверждается археологическими раскопками погребений /I5,37I; 52,8I/. Нож был или в чехле /ножнах/, или прикреплялся к поясу каким-то другим способом. В летописных фразах "вынзе нож" употреблен глагол "вынзти", означавший "вынуть из ножен" /25,384/. Былинный Илья Муромец в бою с сыном "вынал из нагалища кинжальный нож" /29,I08/. На половецких статуях, изображающих людей в сидячем положении, нож виден на поясе. Даже в более поздний период /I6II г./, когда сапоги стали более распространенным видом обуви, ножи носились на поясе: "Да съ бедры сорвал 2 ножа угорьских в одних ножнях" /20,4I9/.

Таким образом, согласно источникам, и русичи и половцы нож носили на поясе, а не в сапоге и не "в сумочке, пришитой к голенищу" /5I,I28/. Простейшая житейская логика подсказывает, что носить нож за голенищем сапога и извлекать его оттуда крайне неудобно, да и легко потерять, особенно при падении, при посадке на коня и при спешивании. Это совершенно не исключает того, что кто-то, обутый в сапоги, мог носить его и за голенищем, если это было ему удобно, как носят, например, сейчас пистолет на груди или с другой стороны пояса.

Итак, на поставленный вопрос: были ли засапожные ножи, можно довольно аргументированно дать отрицательный ответ. Понятие "засапожный нож" изобретено первыми переводчиками "Слова о полку Игореве" и выглядит как искусственное образование.

Кто пользовался "засапожниками"?

Эти пользователи названы в Златом слове Святослава:

"А уже не вижду власти сильнаго,
и богатаго и многовои брата моего Ярослава
съ Черниговьскими былями,
съ Могуты и
съ Татраны и
съ Шельбиры, и
съ Топчаки,
исъ Ревугы, и
съ Ольберы.
Тіи бо бес щитовь съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу" /I,26-27/.

Кто они - эти были, могуты, татраны и т.д.?

Пока нет общепринятого мнения о том, что скрывается за этими названиями или самоназваниями. Здесь данная проблема будет затронута лишь в той степени, в какой она использовалась для объяснения "засапожных ножей".

И.А.Новиков был убежден, что "были" - это "большие бояре", "могуты" - богатыри, а остальные - воинские наименования "низового типа", которые, собственно, и имели "засапожные ножи", потому что "никак невозможно представить себе знать и бояр с засапожными ножами" /6,I06-II0/. Таким образом, И.А.Новиков, в отличие от более поздних исследователей, считал "никак невозможным" наличие "засапожного ножа" у Храброго Мстислава, зарезавшего Редедю.

В.И.Стеллецкий, солидаризуясь с академиком С.Е.Маловым, первые четыре названия считает титулами, а остальные - прозвищами отрядов воинов из тюрков, служивших русским. "Засапожниками" могли пользоваться только "топчаки", "ревуги" и "ольбери", т.е. те, которые по определению А.А.Новикова находились на более низкой социальной ступени /10,261/.

13с-1529

Согласно Н.А.Мещерскому и А.А.Бурыкину, "засапожники – ножи, носимые за голенищем, были оружием русских пехотинцев, а не кочевников-тюрок, которые носили ножи в ножнах у пояса" /50,100/. Указанные исследователи убеждены, повидимому, что русские пехотинцы были обуты в сапоги, что, как было показано, противоречит историческим реалиям.

Ни у кого не вызывает сомнения сама возможность нахождения среди черниговских "воев" кочевников и полукочевников. По мнению Б.Д.Грекова, "история русского войска древнейшей поры без учета этих нерусских военных элементов не может быть правильно понята" /37,353/. Косвенным подтверждением того, что в вышеприведенном отрывке "Слова о полку Игореве" речь идет именно об этой категории населения могут служить слова "бес щитовь", поскольку по археологическим данным на вооружении у кочевников, в том числе и у "черных клобуков", щитов не было. Н.А.Баскаков и С.А.Плетнева довольно аргументированно показывают, что речь идет в небольших вновь образовавшихся группировках "своих поганых", находившихся в вассальной зависимости у Ярослава Черниговского. Похожего мнения придерживается и Д.С.Лихачев, называя их "ордами ковуев-крещеных и союзных русским тюркских племен" /59,63/. Эти группировки, обитавшие в пределах Черниговского княжества, были относительно слабыми и бедными и в силу этого нуждались в покровительстве со стороны русского князя и в защите от мощных половецких орд /49,57/. Они прежде всего, да еще земледельческое население пользовались таким оружием как "засапожники". Они не были профессиональными воинами, а мобилизовывались князем в случае необходимости и "в различных, смотря по обстоятельствам, количествах" /37,338/.

Такой большой разброс мнений у исследователей объясняется только тем, что разговор ведется о "засапожных ножах", т.е. об оружии, в действительности не существовавшем, о своего рода оружейном "поручике Киже".

Таким образом, теперь имеется еще одно основание для такого вывода: "засапожники" - это не "засапожные ножи", а сам термин "засапожники" нуждается в другом объяснении. Для этого нужно хотя бы коротко взглянуть на оружие Древней Руси.

"Оружие многоценное"

Как было вооружено полукочевое и земледельческое население, из которого в основном и формировалось ополчение /"вои"/, особенно в Черниговском княжестве, как для отражения половецких набегов, так и для участия в княжеских междуусобиях?

Понятно, что мирные люди - земледельцы, кочевники и полукочевники - не могли иметь необходимого для сражения набора оружия. Даже более зажиточные городские жители не имели его или ощущали в нем острый недостаток. Достаточно вспомнить как в 1068 г. киевляне обращались к своему князю Изяславу с требованием: "Вдай, княже, оружия и кони" /27,77/, чтобы защищать город от половцев. Возмущенные отказом, они прогнали Изяслава и поставили княжить Всеслава. Это событие нашло отражение и в самом "Слове о полку Игореве".

В Ипатьевской летописи рассказывается как князь Игорь, очутившись в половецком плену, горюет:

"Где чадо рожденья моего?
Где боляре думающеи?
Где мужи храборьствующеи?
Где ряд польчный?
Где кони и оружья многоценьная?" /26,стб 643/.

Из этого отрывка следует, что оружие стоило дорого, оно было "многоценным", а не просто "ценным", как перевел это место В.И.Стеллецкий /10,222/. Откуда же быть такому оружию у бедного населения, составлявшего основную массу "воев"?. Поэтому дело вовсе не в том, как утверждает в своем переводе Андрей Чернов, что:

"Не нужны им щиты - сабли с ножнами" /11,101/,

а в том, что этого оружия у полукочевников и земледельцев просто не

было. Даже щит был сложным и дорогостоящим видом вооружения /36, 279-283/, не говоря уже о"саблях с ножнами". Кстати, сабли на Руси в XII в. только начинали появляться, а широкое распространение они получили после татаро-монгольского нашествия, постепенно заменяя мечи /36,285/. К тому же, сабля – это оружие конника /15,370/.

Понятна поэтому забота князей о создании собственных складов или арсеналов вооружения. По словам Н.М.Карамзина, "Совершив поход – большею частию в конце зимы, – князь отбирал у воинов оружие, чтобы хранить его до нового предприятия" /44,44/. Эта же мысль высказана и Б.Д.Грековым: "У князей, несомненно, имелись запасы оружия и коней. Но не всегда этих запасов хватало. В некоторых случаях сами князья... предлагали народу, привлекаемому к войне, вооружаться, кто чем может" /37,337/.

Таким образом, в период между походами большинство населения оставалось без оружия.

Степени "демократичности" оружия

Применительно к оружию древнерусского войска с определенных пор стал применяться позаимствованный из политической сферы термин "демократичность", в смысле "доступность","относительная легкость приобретения", "относительная дешевизна". Основным критерием здесь выступает стоимость изготовления. Чем проще и дешевле оружие, тем оно "демократичнее", так как им может владеть большее количество воинов. Так, например, в древнерусском войске /да и не только в нем/ копье было "демократичнее" меча. Д.С.Лихачев поддержал видного археолога А.В.Арциховского: "По поводу копья А.В.Арциховский пишет: "Важнейшим оружием наравне с мечом было, конечно, копье... по курганным данным копье демократичнее меча" /7,332/. С этим положением следует, конечно, согласиться как с самоочевидным. Совершенно правильно заметил А.А.Косоруков, что "копье – оружие и князя, и былинного богатыря, и дружинника" /31.150/.

Таким образом, каждый вид оружия имеет свое место в иерархии

вооружений. Даже при беглом взгляд е на разные виды древнего оружия видны их различия по количеству и качеству использованного металла и затраченного ремесленнического труда. Некоторые мечи, сабли и даже наконечники копий выглядят как самые настоящие произведения искусства. Отсюда вытекает, что наиболее демократичными являются такие виды оружия, для изготовления которых нужно меньше металла или он вообще не нужен. Металл в древнюю эпоху был дефицитным материалом, тем более металл качественный. Поэтому меч простой и меч вороненый, оксидированный - "хералужный" /48,494/ - имели неодинаковую степень демократичности. Точно так же отличались рогатина простая и рогатина с окованными наконечиями, хотя и та и другая применялась и для охоты и для боя, что неоднократно отмечено в древних письменных источниках и в фольклоре.

Естественно, что вооружение княжеской дружины и вооружение ополчения различались по степени "демократичности". Конная дружина князя имела мечи, сабли, луки, копья, иногда шестоперы, а простые воины были вооружены проще /8,II-I2/. Еще проще могло быть вооружено сельское население, подвергавшееся постоянным набегам.

Многие исследователи делали описания оружия древнерусского войска - как конного, так и пешего, - однако в перечне предметов вооружения почти никогда не упоминался "засапожный нож". Это логично и не должно удивлять, поскольку такого оружия просто не существовало.

Так какой же вид оружия был самым "демократичным", доступным каждому сельскому и городскому жителю? Очевидно, это были подручные средства.

Подручные средства

Население вынуждено было постоянно быть в готовности к защите и обороне от степных налетчиков или от воинских отрядов соседних княжеств.

В.П.Семенов-Тян-Шанский отмечает, что когда трава в степи выгорала от жары, то "свои поганые" продвигались на север по лесостепи и оставались там почти до начала зимы. "И именно там... чаще всего происходили, на почве потрав скотом сельскохозяйственных угодий, кровавые их столкновения со славянскими землеробами" /23,262-263/. А о половцах говорил еще Владимир Мономах: "Оже то начнет орати смердъ, приехавъ половчанинъ, ударивъ нь стрелою, и лошадь его възметь, а в село его въехавъ возмет жену его, и дети, и все его" /27,101/.

Однако, нехватка оружия для самозащиты создавала большие проблемы для сельских жителей. Приходилось использовать в качестве оружия практически любой предмет, попадающийся под руку, - кол, дубину, жердь, оглоблю, охотничью рогатину, цеп и т.д., т.е. все то, что могло оказаться в нехитром хозяйстве земледельца. Иначе говоря, в качестве примитивного оружия использовались подручные средства.

Древнерусские источники довольно часто отмечают применение таких средств и в бою и при решении спорных бытовых вопросов.

В "Житии Леонтия Ростовского" рассказывается как толпа восставших язычников напала на этого епископа: "...устремившиеся невѣрнии на святопомазанную его главу, ови с оружиемъ, а друзии с дреколием" /28,250/. Считалось даже "обидой", умалением личной чести, когда человек получал удар "...батогом, либо жердью, либо пястью, или чашей, или рогом..." /ст.3 Краткой редакции "Русской Правды"/. Воину почетнее было получить удар мечом, саблей или копьем, чем каким-то простым подручным бытовым предметом /56,61/.

А.В.Арциховский, изучавший древнерусские лицевые рукописи, отмечал, что в Радзивиловской летописи "особый интерес представляет оружие восставших горожан и крестьян". Обычно у горожан это те же копья и мечи. Но есть и кистень /179 л./, довольно типичный, состоящий из длинного и толстого груза, привязанного к палке. Для этого типа существует этнографическое название "гасило". Но особенно интересен обыкновенный рабочий топор, с которым /за неимением другого оружия/ восставший крестьянин выступал против вооружен-

ного саблей феодала /ХОЗ л./ /32,22/. Здесь речь идет об усмирении Яном Вышатичем волнения, организованного волхвами в Белоозере, когда восставшие "...сунушася на Яня, единъ грешися Яня топором. Янь же, воротя топоръ, и удари тыльемъ, повелѣ отроком сѣчи а" /27,74/. Кстати, Л.В.Черепнин и некоторые другие историки считали этого Яна Вышатича тождественным Бояну из "Слова о полку Игореве" /22,484/. Топор встречается и во время Липицкой битвы: "и удариша на ярославских пешцев и топорки и и сулицами" /Ипат.лет.под I2I6 г Б.Д.Греков заметил по этому поводу: "Топоры, может быть, те самые, которыми смерды работали у себя дома" /37,33I/.

Таким же универсальным средством была и рогатина, поэтому деление ее на боевую и охотничью представляется чисто условным. В летописях под II19 г. описывается битва под г.Луцким, где у одного воина из числа западных союзников Ярослава Мстиславовича в качестве оружия была рогатина /27,II8/, а русское войско еще долго пользовалось рогатиной. За три года до Куликовской битвы Московский летописец упрекал нижегородцев за то, что они, выступив против татар, проявили беспечность: "доспехи свои на телеги и в сумы скуташа, рогатины и сулицы и копья не приготовлены... такоже и щиты и шоломы" /53,72/. В Житии Стефана Пермского /ХУ в./ отмечается охота с дрекольем, с топорами и секирами /39,192/. И даже в ХУII в. в "Слове по милости" Евфимия Чудовского говорится: "С рогатинами враги носяся" /42,188/.

Все это можно понять. Спрос на оружие, учитывая постоянные войны, был велик и значительно превышал возможности по его изготовлению. Мобилизованные "вои" в какой-то части снабжались из княжеских арсеналов, а остальные вооружались кто чем может. Только княжеская дружина могла быть снабжена всем необходимым.

В былинах тоже отмечается большой набор подобного примитивного оружия с указанием об использовании его в бою: ось белодубова, шалыга подорожная, рогатина охотничья, палица и др.

Например, в былине "Илья Муромец и Соловей Разбойник" младшая дочь этого последнего:

"Говорила-то она таковы слова:
"Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тка рогатины звериные,
Да бежите-тка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!" /29,70/.

В былине "Илья Муромец и дочь его" тоже рассказывается о применении рогатины в бою:

"Да ступила Илье Муромцу на белу грудь,
Она брала-то рогатину звериную..." /30,195/.

Встречается и топор. Он упоминается, например, в песне "Брат спасает сестру":

"Одного же он, собаку, да он конем стоптал,
А другого басурмана он к хвосту привязал...
А третьего-та он, собаку, топором срубил" /58,88-89/.

В то же время и боевое оружие использовалось для бытовых нужд, в частности, для охоты. В былине "О жене Ильи Муромца" говорится:

"В те поры Ильи Муромца дома не случилося:
Полевал он далече в чистом поле,
Зверя лютого на копье ловил..." /29,100/.

Из всего этого вытекает, что использование подручных средств в качестве оружия было обычным явлением. Даже в придуманном человеком потустороннем мире, имеющем все характерные черты мира сиюстороннего, подручные средства применяются наряду с оружием. Например, в старопечатном проложном сказании "Слово о святем Андреи Уродивем" рассказывается о страданиях этого святого: "И прииде к нему очевидно диавол со многими бесы, держа секиру, а друзии - ножи, инии же - древа и колия, и мечи, и копия..." /41,212/.

Применение примитивных подручных средств объясняется отсутствием оружия у мирного населения. Ситуация чем-то схожа с нынешней. В обстановке разгула преступности, в прессе появилось много реко-

мендаций по самообороне. Вот одна из них: "Если на вас напали, не теряйтесь". Можно обороняться, используя зонтик, связку ключей, рассыпанный табак, соль, песок. "Туфли на высоком каблуке - оружие ближнего боя - незаметно снять, когда противник обхватил вас. Наши улицы богаты посторонними предметами, из которых вы могли бы присмотреть себе подходящее оружие. Мужчинам, думаю, не надо и напоминать про традиционный "кол" или штакетину от ближайшего забора" /"Экстра М" № 44 от 11.12.1993 г., С.15./. И это - в конце XX века, т.е. восемь веков спустя после "Слова о полку Игореве".

"Засапожники"

Все приведенные выше аргументы дают основание предполагать, что при недостатке оружия именно такими подручными средствами черниговские вои - "былп", "могуты" и др. - могли сражаться, "побеждая полки" неприятеля. Подручные средства представляли собой самый "демократичный" вид оружия, доступный каждому жителю. Поэтому не исключено, что под "засапожниками" автор "Слова о полку Игореве" как раз их и имел в виду.

В подкрепление этого предположения можно опять же обратиться к В.И.Далю. Если взять корень слова "засапожники" - "сапог", - то это, по-Далю, не только вид обуви, но и "сапогъ съ корнемъ, вост. кокора, пень съ корневищемъ и корневымъ сукомъ" /18,137/, т.е., иначе говоря, дубина, один из предметов, применявшихся древнерусским населением в качестве оружия.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что практически во всех толковых и этимологических словарях русского языка слово "сапог" имеет только одно значение - вид обуви, что в немалой степени способствовало жизнестойкости "засапожного ножа". Значение сапога как дубины ушло из письменного, да и из современного разговорного языка. Его нет в авторитетных словарях русского языка и русских народных говоров. Оно не отразилось и в недавно

составленном обстоятельном двухтомном Сводном словаре современной русской лексики /изд. "Русский язык", М., 1991./. Правда, по свидетельству писателя Юрия Сбитнева, в сибирской тайге до сих пор некоторые жители дубину называют сапогом /54/.

Нельзя исключать и того, что слово "сапог" в значении "дубина" носило специфический устный бытовой характер и не попало в письменные источники. То же самое, вероятно, произошло и со словом "засапожники", которое постепенно забылось, уступив место таким замеченным В.И.Далем словам как "дреколье", "дубьё" и др. Не оказалось "засапожников", наряду с другими редкими словами, и в "Задонщине", богатой образами из "Слова о полку Игореве". Возможно, что автор "Задонщины" уже не понял этого слова, а может быть "засапожников" просто не было в том источнике, на базе которого "Задонщина" создавалась. Если дело обстояло так, то это является дополнительным подтверждением предположения ряда исследователей, считающих вероятным существование какого-то промежуточного произведения между "Словом" и "Задонщиной". /38,124/.

Можно предположить далее, что слово"засапожники" носило собирательный характер и обозначало весь возможный набор подручных средств. Наверное, не единожды жители порубежных поселений отбивали набеги неприятельских отрядов /"полков"/, используя попавшие под руку засапожники. Здесь как раз уместно вспомнить М.Д.Деларю:

"Те без щитов и оружия
криком полки побеждают" /9,143/.

Население, не имеющее современного оружия, с дубинами и кольями в руках еще как-то могло противостоять вооруженному противнику и даже побеждать его – выбить у него саблю или копье, сбить с коня, оглушить. Ножом это сделать затруднительно и вряд ли возможно, даже если нож находился за голенищем. В любом случае, речь идет не более, чем о кинжале. Ведь и с топором, как показано выше, было трудно бороться с вооруженным всадником.

Можно высказать еще ряд соображений лингвистического характера.

Приставка "за" в слове "засапожник" выступает, повидимому, в функции усиления, подчеркивая, что речь идет о больших дубинах, палицах. "Палица, возможно, была древнейшим оружием, известным человеку... "Прежде бо палицами и каменьем бьяхуся", - говорится в Ипатьевской летописи" /24/. Большими дубинами нужно было размахивать двумя руками, может быть еще и поэтому "бес щитовь"?

Слово "засапожник" трудно объяснить как нож носимый в сапоге. Приставка "за" не несет в себе значения "в чем-нибудь", поэтому и слово "засапожник" не может означать "в сапоге". Что касается выражения "за голенищем", то оно никак не связано со словом "засапожник", хотя грамматически построено правильно, так как нельзя сказать "нож, носимый в голенище". Оно встречается у В.И.Даля: "нож, носимый за голенищем" и у Марины Цветаевой:

"Клеймо позорит плечи
за голенищем-нож" /55,62/,

а также в переводах на украинский язык /Максим Рыльский: "Із ножами захалявними"/ и на белорусский /Янка Купала: "З нажмі захалянымі"/.

Предлог "за" с существительным в творительном падеже означает "по ту сторону", "позади чего-нибудь", поэтому движение с противоположной стороны требует предлога "из-за": напр., "за голенище" - "из-за голенища". В связи с этим, у Н.А.Заболоцкого "выхватив ножи из голенища" /7,214/ или даже "захватив ножи из голенища" /II,47/ просматривается явное нарушение этой грамматической нормы.

Последнее замечание касается этимологии слова "сапог". За поисками его "корней" и "родственников" ученые-этимологи отправляются во многие страны, но пока ничего убедительного там не находят. Может быть это слово местного происхождения, возможно даже определенной диалектной зоны /см.Ф.П.Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972/, и

и берет свое начало от кокоры, дубины, "сапога", часто напоминающих по форме одноименный вид обуви.

x x
x

Такова краткая история ставшего привычным термина "засапожный нож". Теперь предельно ясно, что "засапожный нож" придуман первыми переводчиками "Слова о полку Игореве" и "канонизирован" включением в словарь В.И.Даля. Возрождение "Слова" вывело на свет забытое было слово "засапожники", означавшее, по всей видимости, набор подручных средств, применявшихся из-за отсутствия оружия. Оказавшись в новых реалиях, не похожих на реалии XII в., оно не было узнано в своем первоначальном значении. И это – дополнительный аргумент в пользу древности самого "Слова о полку Игореве".

Цитируемая литература:

1. Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя новагороде-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходе XII столэтiя съ переложенiемъ на употребляемое нынѣ нарѣчiе. М., 1800. /фотокопия/.

2. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" /составительница В.Л.Виноградова/. Л., 1967., Вып.2.

3. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" /составительница В.Л.Виноградова/. Л., 1984., Вып.6.

4. Слово о полку Игореве. Литературный перевод А.А.Кичеева. Тверь, 1911.

5. Слово о полку Игореве. Изд. Academia, М.;Л., 1934 г.

6. Слово о полку Игореве. Изд. "Художественная литература", М., 1938.

7. Слово о полку Игореве. /Литературные памятники/, М.;Л, 1950.

8. Слово о полку Игореве. Изд. "Детская литература". М.;Л, 1961.

9. Слово о полку Игореве. /Биб-ка поэта. Большая серия./ Л., 1967.

10. Слово о полку Игореве. Изд."Советская Россия"., М., 1981.

11. Слово о полку Игореве. Изд. "Молодая гвардия"., М., 1981.

12. Слово о полку Игореве. Изд."Художественная литература"., М., 1985.

13. Слово о полку Игореве. 800 лет. Изд."Советский писатель"., М., 1986.

14. "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985.

15. Злато Слово. /История Отечества. Век XII/., М., 1986.

16. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка., М., 1978., Т.1.

17. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка., М., 1978., Т.3.

18. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка., М., 1978., Т.4.

19. Словарь русского языка XI-XVII вв., М., 1978., Вып.5.

20. Словарь русского языка XI-XVII вв., М., 1986., Вып.II.

21. Словарь русских народных говоров. Л., 1976., Вып. II. В противовес этому "Словарь русского языка XI-XVII вв." включает слово "Засапожник", но ссылается только на "Слово о полку Игореве".

22. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI - первая половина XIV в., Л., 1987.

23. Альманах Библиофила № XXXI., М., 1986.

24. Русские доспехи X-XVII веков. /Набор открыток/., М., 1991. Текст на открытке № 15. /Автор текста - А.Кирпичников/.

25. Древняя русская литература. Хрестоматия. /Сост. Н.И.Прокофьев/., М., 1980.

26. Полное собрание русских летописей., М., 1962., Т.2.

27. Полное собрание русских летописей., М., 1989., Т.38.

28. Труды отдела древнерусской литературы., Л., 1989., Т.42.

29. Три богатыря. Былины. М., 1967.

11-1519

30. Былины., М., 1991.

31. Герменевтика древнерусской литературы XI-XVIIвв.,М.,1992.

32. Проф. А.В.Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник., Изд. МГУ., М., 1944.

33. А.В.Арциховский. Оружие. В кн.: История культуры Древней Руси., М.;Л., 1951., Т.1.

34. Е.В.Барсов. "Слово о полку Игоревѣ" какъ художественный памятникъ Кiевской дружинной Руси., М., 1887, Т.1.

35. Е.В.Барсов. "Слово о полку Игоревѣ" какъ художественный памятникъ Кiевской дружинной Руси., М., 1890., Т.3.

36. П. фон Винклер. Оружие., М., 1992., /повторение изд.1894 г/

37. Б.Д.Греков. Киевская Русь., Л., 1953.

38. А.С.Демин. Отголоски "Слова о полку Игореве" в "Казанской истории" /гипотеза о промежуточном источнике/., В.кн.: Труды отдела древнерусской литературы., Л., 1990., Т.43.

39. А.С.Демин. "Языци": неславянские народы в русской литературе XI-XVIII вв. В кн.: Древнерусская литература. Изображение общества., М., 1991.

40. М.М.Денисова, М.Э.Портнов, Е.Н.Денисов. Русское оружие XI-XIX вв., М., 1953.

41. О.А.Державина. Древняя Русь в русской литературе XIX века. Пролог. Избранные тексты., М., 1990.

42. А.С.Елеонская. "Земля наша": быт в произведениях древнерусских писателей. В кн.: Древнерусская литература. Изображение общества., М., 1991.

43. Д.К.Зеленин. Восточнославянская этнология., М., 1991.

44. Н.М.Карамзин. Избранное., М., 1990.

45. Геннадий Карпухин. По мысленному древу., Новосибирск,1989.

46. Д.Д.Кулинич. Тайна русских мастеров XIIв. /О слове харалугъ/. В кн.: Труды отдела древнерусской литературы., М., 1989., Т.44.

47. В.В.Кусков. История древнерусской литературы., М., 1989.

48. В.П.Левашова. Об одежде населения Древней Руси. В кн.: Труды Государственного исторического музея., М., 1966.

49. Р.М.Мавродина. Киевская Русь и кочевники /печенеги, торки, половцы/. Историографический очерк., Л., 1983.

50. Исследования "Слова о полку Игореве"., Л., 1986.

51. Г.Ф.Одинцов. Засапожник, меч, шерешир... в "Слове о полку Игореве". В журнале "Русская речь" № 2, 1984.

52. С.А.Плетнева. Половцы., М., 1990.

53. Б.А.Рыбаков. Поиск автора "Слова о полку Игореве"., М, 1991.

54. Юрий Сбитнев. Языком далеких предков. Литературная газета от 30 октября 1985 г.

55. Марина Цветаева. Сочинения., М., 1980, Т.I.

56. Л.А.Черная. "Честь": представления о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв. В кн.: Древнерусская литература.- Изображение общества., М., 1991.

56. Сказание о князе Михаиле Черниговском и его боярине Федоре., М., 1988.

58. Исторические песни., М., 1991.

59. Д.С.Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк., М., 1976.